

ЛЕОНИД ПАВЛОВИЧ ФУКС

Архитектор, географ, социолог.
Профессор Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии.
Автор более 100 научных работ в сфере территориальной организации Западной Сибири и градостроительства, автор ряда архитектурных проектов.
E-mail: fux_l@mail.ru

ОБРАЗ СИБИРИ И РОССИЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Культурный ландшафт – пространственная среда обитания группы людей с определённой культурой, особенными восприятием, обустройством и наполнением пространства символикой (образами, знаками, названиями). Культурный ландшафт – едва ли не главное, определяющее образ страны.

Пример восприятия культурного ландшафта России, её устойчивый образ: «...нам целый мир чужбина; Отечество нам...» (варианты продолжения: Царское Село, мой двор, деревня, улица – «ах Арбат, мой Арбат» или другое ближайшее окружение, не далее того).

В России говорят: не место красит человека. В Старом Свете не так: место метит европейца, лепит его сознание. Окружение – как форма для кипящей меди: в какую налить, то и выйдет. Отношение к месту отличает европейца и русского с древности. Для нас оно значит немного. Для европейца оно – судьба: «Остров Крит как бы предназначен природой к господству над Грецией, и географическое положение его прекрасно: он соприкасается с морем, вокруг которого почти все греки имеют свои места поселения; с одной стороны, он находится на небольшом расстоянии от Пелопоннеса, с другой – от Азии... Вот почему Минос и утвердил свою власть над морем, а из островов одни подчинил своей власти, другие населил...» [2, Кн. II, 7, 1271 b 35. С. 434–435].

Хотим того или нет – природа сказала на судьбах всех стран, на национальных характерах народов. А характеры? Культурный ландшафт – преобразованная природа – не порождение национального духа её творцов, народов тех стран? Что чему тут было началом? Природа? Национальный дух? – Неразрешимо, как вопрос: вначале курица или яйцо?

Культуры многообразны. Культурные ландшафты – тоже. Какой из них «культурней»? Какое средство «изготовления» культурного ландшафта предпочтительней: культура прессинга на природное окружение для обращения её в культурный ландшафт? Культура вживания в природу? В любом случае человек «давит» и на природное окружение, и на культурный ландшафт. И в то, и в другое окружение всякому новому поколению приходится вживаться и меняться под воздействием окружения. И окружение меняется. Если человек – часть природы, где грань между ней и человеком, между ландшафтом природным и культурным?

Велика Сибирь – а города редки, названий небольших поселений почти не слышно. Едва заселена. Ощущение пустоты пространства: Сибирь «... безвидна и пуста» как в Ветхом Завете (Бытие, I, 2). Громких названий – символов страны, её эпох – почти нет. У небольших поселений такая честь для стоящих на поворотах истории: деревни-близнецы Бородино и Шевардино, Дубосеково и Прохоровка, ставшие известными за день-два из их долгой жизни. Есть поселения, получившие известность за несколько недель: Болдино в *Болдинскую осень*. Были поселения, входившие в историю на жизни нескольких поколений: подмосковное Коломенское. Есть места, прославленные рождением знаменитых людей. Другие своей известностью обязаны превратностям судьбы – исчезнувшая Мангазея, или духовным поискам – монастырь Оптина Пустынь, мифический Китеж. Есть на слуху знаменитые деревни, слившиеся с образом Сибири? Трудный вопрос, другое дело – Россия по ту сторону Урала (или *просто Россия* в отличие от *Сибири*, как недавно называли две части страны). Одних только «писательских» названий там без счёта – от ломоносовских Холмогор и пушкинского Михайловского до коллективных писательских имений Переделкино, Комарово.

Не только поселениям Сибири – рекам, островам, рощам даны имена, вписаны в карты. Но для нас большая часть тех имён – как мёртвая латынь. Даже в популярных энциклопедиях о самых известных поселениях – короткие послужные справки¹. Что Сибирь? – по всей России не видим достопримечательностей. Вот карта мира с памятниками культуры. Как выдающиеся места мирового значения в Америке обозначены казино Лас-Вегаса, Эмпайр-Стейт-Билдинг в Нью-Йорке или Чичен-Ица в Мексике и ещё много другого. В Африке – египетские пирамиды, акрополь в Зимбабве, развалины Карфагена и не только это. Названы выдающиеся памятники в Азии, Австралии. А на всю Россию – Московский кремль и Петродворец под Петербургом. В Сибири не нашлось ничего достойного упоминания, хотя карта составлена в самой Сибири [15].

Мы похожи на обитателей бескрайной степи, либо лесной чащи. И тут, и там нет особых примет, по которым безошибочно угадывается нужное место. Нет переломов в ландшафте, стыков разнохарактерных рельефов. Это не Европа, а мы не европейцы. Там картины природы перемежаются и на небольшом пространстве нет двух одинаковых мест. Бок о бок соседствуют равнины и скалы, речные плёсы и водотоки в теснинах. Кругом резкие границы между ландшафтами, языками, традициями, между древностью и новизной. Чувство пространства могло возникнуть только у народа, осязающего рубежи: земной тверди и водной стихии, границу между уравновешенной повседневностью земледельца и коварной судьбой мореплавателя, прошлым и настоящим. Границы на каждом шагу. Границы не конец пути, а начало нового: *море (pontos)* у греков означало и *понтос – море, пучина* и *патос – стезя, тропа* [4, с. 962, 1034]. Исследователи Микенского периода Греции уточняют древнейший смысл слова *море (pontos)*: *широкий путь, проход к землям* [38, с. 214]. Всюду ощущение открытости и наполненности пространства. Куда ни пошлыви – слева Сцилла, справа Харибда; сзади – Троя, впереди Итака. Где ни встань, взгляд схватывает широту и многообразие мира от придорожного камня до глубины горизонта: по одну сторону от Олимпа – Фракийское, Эгейское моря, по другую – светится Ионическое, там плещется Критское. Мир, населённый древними греками, по их убеждению, должен быть легко обозрим [2, кн. VII, 5, 1327 а 1. С. 599] – пусть не наяву, а

¹ В «Географии России», первом энциклопедическом словаре, посвящённом новому государству, о городах и сёлах Сибири лишь как о производственных предприятиях: райцентр Багаи в Новосибирской области – элеватор, ремонтно-технические предприятия... Кыштовка – маслодельный завод, птицекомбинат... См.: [5].

умозрительно. Даже если они осели по обе стороны Эгейского моря или на берегах Южной Италии, основав там Великую Грецию. А всё Средиземное море, исхоженное вдоль и поперёк, знакомое до каждой излучины, они называли *Нашим*: «На юге до Столпов Иберия окружена Нашим морем, а в остальных частях – Атлантическим океаном...» [34, кн. II, 27. С. 57]. Стеречь границу мира и моря, земной тверди и неба, подпирает небесный свод они доверили только «своему» – греку Атланту. Ближние моря – не безбрежная водная пустыня. Они глубоко вдаются в материк. Земля далеко уходит в море, густо заполняет его полуостровами и островами-символами. Возле этого берега из морской пены вышла Афродита. С того утёса бросилась в море Сафо. Тут пролив сёк плетью персидский царь. В той пещере на Крите вскармливали младенца Зевса козьем молоком. Нет клочка пространства, где ничего не случилось. Суша иссечена отметинами событий. Моря исчерчены корабельными килями. Небо испещрено античными нитями, соединившими звезды в созвездия. Земля, море и небо – на всём лежит печать человека, его трудов и размышлений. «Много в природе дивных сил, / Но сильней человека – нет. / Он под вьюги мятежной вой / Смело за море держит путь; / Кругом вздымаются волны – / Под ними струг плывёт. / Почтенную в богинях, Землю, / Вечно обильную мать, утомляет он; / Из году в год в бороздах его пажити, / По ним плуг мул усердный тянет. / И беззаботных стаи птиц, / И породы зверей лесных, / И подводное племя рыб / Власти он подчинил своей...» [33, с. 135] – и мир преобразил. Создал пространство, какого прежде не бывало: культурный ландшафт. Он наполнен эхом событий и светом памяти, знаками, символами, драгоценными руинами, незабываемыми названиями, ориентирами. Античный человек оставил следы такой глубины, что их не стёрли ни эпоха варварства, ни средневековье, ни поздние времена. Невероятно: разрушенный последующими эпохами, древний культурный ландшафт пророс сквозь пепелища, приобрёл новое очарование из-за близости с наслоениями поздних культур.

Материковая Греция невелика. Поделена горами, изрезана долинами, разбита на мелкие независимые государства, спорившие между собой. Объединяли греков моря, окружавшие Грецию. Россия – равнинная страна. Казалось бы, нет естественных преград, отделявших местность от местности, мешавших объединению народа в сплоченное государство. Это не так. Историк М.К. Любавский сравнивал Россию с Грецией. У нас не горы – равнина. Но уже своими размерами, расстояниями она разделяла её обитателей друг от друга. И в ядре России, и на севере, и в прилегающих землях много естественных преград, разделяющих жителей страны, мешавших общению. «Наши дремучие леса и болотные трясины, тянувшиеся по водоразделам, или, как говорилось в старину, “волокам”, в меньшей степени разобщали различные группы русского населения, раскидавшиеся по стране, чем делали это... греческие горы с населением их долин. Значит, природа страны с самого начала нашей истории вовсе не содействовала образованию из Руси единого и тесно сплочённого государства, а наоборот, обрекла русское население на более или менее продолжительное время группироваться в мелких союзах, тяготеть к местным средоточиям, проникаться местными привязанностями и интересами, местными стремлениями» [25, с. 77–78]. Сотни тысяч искали укрытий от власти за непроницаемыми природными рубежами. Всем находилось место. На юге, на Дону и Кубани беглецов отгородили безлюдные степи. На севере укрывались за лесами, реками и болотными топями. Беглецов из России уже и не русскими называли. Их именовали по месту, где те оказались: например, *кержаки* – староверы, по имени глухих заволжских мест по течению Керженца. Отшельники уходили от мирской суеты в скиты среди лесов. Само слово скит – от греческого Σκητις, названия пустыни в Египте, где предпочитали

селиться греческие монахи. Отшельник – тот, кто в одиночку ушёл от людей, отошёл от общества, от России и русских – отселившийся в пустынь, отсельник. Многие наши монастыри закладывались в полудиких местах. В густо населённой Европе не так: большая часть их монастырей возникла в городах и возле них, среди людей.

Историк Ключевский: «Жизнь удалёнными друг от друга, уединёнными деревнями при недостатке общения, естественно, не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс работал не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателю южной Руси: он боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая чёрная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. <...> Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях...» [17, с. 279].

Русская природа предлагала человеку то, что у неё было. А он приспособливался к ней. Многое определило нашу жизнь. И география тоже – она по-своему лепила российский характер. Так это или нет – об этом спорят. «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю её философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический» [40, с. 161].

Другие иначе глядят на зависимость русской истории от расположения России в мировом пространстве и её природных особенностей: нельзя обстоятельства делать «козлом отпущения» и на них взваливать вину за культурную и экономическую отсталость, за провалы в политическом и общественном устройстве прежней России, за особенности мировосприятия русского человека [27, с. 58].

Разбросанность русского народа по своей земле так велика, что давала повод производить название страны от слова *рассеянность*. Сигизмунд Герберштейн писал: сами москвиты «...уверяют, будто их страна изначально называлась «Россея» (Rosseia), а имя это указывает на разбросанность и рассеянность её народа, ведь «Россея» на русском языке и значит «разбросанность» или «рассеяние»» [6, с. 58].

Отгороженность мест обитания групп людей, городков и сёл сказалась на языке русского народа. Особенности расселения повлияли на образ жизни народа, его привычки. Привычка – вторая натура. Не отсюда ли обособленность русского человека, жизнь страстями, предрасположенность к стадной демократии и анархизму, неразвитость чувства долга перед обществом, неспособность объединяться в партии, в сообщества? Скажут – а как же община, как она могла удерживать людей, диктовать свою волю? – так ведь легче всего помыкать толпой не сумевших объединиться одиночек: схимниками, анархистами, шумным собранием запорожцев-полушляхтичей или донских казаков у которых каждый сам по себе. Стоит лишь прикрикнуть, показать силу, пригрозить отлучением от церкви или партии... и куда только делась их обособленность и шумная независимость!

У разобщённости народа много причин. Природные, географические – не самые последние. Это подтверждается и тем обстоятельством, что Русь прожила в политическом раздроблении долгое время, прежде чем сложилось в ней единство и тесно сплочённое государство.

Многонациональная Европа сложена теснее. Мифология, религия, история, культурный ландшафт – всё родилось возле европейца, у порога его дома: по эту или ту сторону *этого горизонта*, в *этих* долинах между *этими* горами, на *этих* берегах

пылали домашние очаги его предков. *Это* было центром мира. *Тут* совершились главные события. *Здесь* «пуп земли» – её центр, отмеченный камнем. Греческий бог Кронос, боясь гибели от своих детей, пожирал их. Рея – его жена, спасая новорожденного Зевса, подала кровожадному мужу вместо младенца запелёнутый камень, извергнутый затем Кроносом. Оказавшийся в Дельфах, «пуп земли» почитался как святыня. Европейцы тысячелетиями рождались среди этого ландшафта, получали его в наследство от предыдущих поколений, добавляли к нему своё и передавали потомкам. Старые столицы оставались столицами. Границы между странами сдвигались и возвращались на прежние места вокруг центра античного мира. В нынешней Европе многое меняется. Её наводнили выходцы из Африки, Азии. Но до сих пор там преобладают давние европейские традиции. Отсюда эгоизм, эгоцентризм европейца, его чувство времени и пространства, чувство меры. Из этого у европейца складывалось чувство властелина мира. У русского человека не было родовитых античных предков, пятитысячелетнего культурного наследия. Всего добивался сам. У него порою возникало ощущение несправедливости. В душу закрадывалась зависть по отношению к баловню судьбы – европейцу. Житель какой молодой страны не хотел бы начать историю родины раньше начал чужой истории? Так украинский историк считает Украиной то, что византийские и арабские современники давних времён звали Степью, Скифией. Украинская земля для него – то, что в летописях звалось Русской землёй. Украинцами историк называет древлян, полян, уличей, даже племена антов VI в. [9, с. 25–131]. Русский историк упрекал европейца: тот со своей «...ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром Вселенной, венцом создания, лучшим, наиболее совершенным из всех существ» [36, с. 103].

У русского человека нет европейского осязания близости важнейших мировых событий, причастности к истории. Разве не свои приучали нас думать, что главное наше «историческое» событие случилось не тут, а в далёкой Палестине. Где-то там по обетованной земле ходил, проповедовал, спасал – не нас, других – Спаситель. Не Печёра, Енисей, а – уверяли нас – Иордан величайшая река, в которой Он крестился. На деле этот мутный ручей не идёт в сравнение с нашими реками. Нас приучили к мысли, что: сердце мира – там. Край земли – тут. Край бескрайний, за спиной другие бескрайние края. Якобы, и государственность не мы соорудили. Её занесли к нам по одной версии российских историков – с запада и севера варяги, по другой – с востока монголы, Чингисхан. Они дали нам границы нынешнего российского государства и научили управлять им [35, с. 223–292]. А если русские сближали историю России с мировой, объявляли Москву третьим Римом – то ведь третьим, последним по счёту.

Времена меняются. Но не избавимся от ощущения, что «за морем житьё не худо», «езде хорошо, где нас нет», а у самих дома – как сказал Высоцкий – «всё не так, ребята!» Не оттого ли русский человек не дорожил реальностью, чаще других желал невозможного? Готов был променять синицу в руках на журавля в небе, без оглядки рушил и жёг созданное в невероятных муках и невзгодах: «... не жаль мне лет, растраченных напрасно, / Не жаль души сиреневую цветъ. / В саду горит костёр рябины красной, / Но никого не может он согреть»?

Культурный ландшафт рукотворен. Один многолюден и богат трудом, вложенным в каждую пядь земли за долгие века. Другой – неухожен как пустующий дом. О многом скажет сравнение записок путешественников: европейцев – о России прежних веков, русских – об Европе.

Авантюрист Штаден, служивший Ивану Грозному, разорял поместья с другими опричниками во время погрома Великого Новгорода и Пскова. Выступив из Москвы

с одной лошадей, наёмник вернулся с полусотней лошадей и двадцатью двумя санями награбленного. Даже этот грабитель был потрясён разорением Рязанской земли после набегов крымского хана: «Большая часть дворов и острогов стоят пустыми, остальные сожжены» [43, с. 108, 33]. Десятью годами позже – к северу от Москвы, куда хан не дошёл – датского посланника Ульфельда поразили разор и запустение: «...нигде во всей России не видели мы хозяина на всех местах, в которых мы въезжали на двор, дома были пустые, и людей и скота не было в них, так что едва поверить мог я, чтоб нашлось какое государство не разорённое неприятелем, которое в большой беспорядок приведено было, нежели сие государство» [30, с. 25]. В конце эпохи Ивана Грозного посланник королевы Елизаветы Джильс Флетчер прибыл в Московию. Тут он увидел: «...простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян, разных властей и царских посыльных по делам общественным, особенно в так называемых *ямах* и богатых городах, что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили или в целую милю длины, совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий». Флетчер писал: между Москвой и Ярославлем – в самом центре России – на расстоянии ста английских миль попадаетея до пятидесяти совершенно безлюдных деревень [37, с. 74]. В правление Екатерины II Герард Фридрих Миллер – его порой называют отцом русской истории – замечает об исчезновении поселений, как о заурядном явлении. Проезжая через подмосковное село Братовщина, записывает обыденную историю: «Крестьянских дворов там около 50. До моровой язвы 1771 году было оных гораздо более. Простой народ, бегущий из Москвы и отчасти уже заражённый или несущий заразу в платье и в других вещах, распространил мор по большим дорогам, а особливо по сей, по всем местам, где заражённые ни приставали. В одной Братовщине погребено обоого пола до семисот человек, четыре только двора остались от заражения свободны. <...>. Остальные впусе вымершие дворы после разломаны» [26, с. 242]. Братовщина – не обычная деревня того времени. Стояла на большой дороге. В ней был путевой дворец для царствующих особ, проезжавших на богомолье из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру. Что говорить о тысячах тысяч безвестных поселений?

За вторую половину XX в. только на юге Западной Сибири сами собой исчезли две трети сёл [39]. На картах под названиями поселений нередко читаешь: *нежил.*, *разв.* (нежилое, развалины). Сегодня тут по 10 человек на километр, а на севере Европы – до 300–400. Это не предел. В Японии между Токио и Осака живёт половина всех японцев при густоте 1100 человек на километр – как же насыщен тут культурный ландшафт! Прогноз ООН обещает: к 2050 г. Россия может обезлюдеть на треть или вполовину, к 2100 г. – наполовину и даже больше [28, с. 180–182, 207]. Сибирь будет терять своих жителей ещё быстрее. Её культурный ландшафт будет похож на оазисы в пустыне.

А что в Европе? Н.М. Карамзин, переехав границу, в каждом повороте дорог, в излучинах рек, едва не в каждой улице и площади небольших городков узнавал места известных всему событий. Тут дом философа (*хотя домик у него маленькой и внутри приборов не много* [14, с. 21]. – Карамзин побывал у Канта). Там – гора, на которой *...проводил свои дни Св. Беатус, первейший из Христиан в Швейцарии. Гора сия донныне называется его именем* [14, с. 131]. Здесь *...жил и умер Коперник, сказал мне..., когда мы проезжали через одно маленькое местечко* [14, с. 25]. Тот городок прославлен живущим здесь поэтом (европейцы не из тех, кто любить умеет только мёртвых). С этой колокольни принято наблюдать горную цепь по другую сторону всем известного озера, замечает Карамзин. В городе N... на виду держат прикованного медведя, и века назад так было: по преданию имя швейцарского города

произошло от слова *бер* (то есть медведь) из-за того, якобы, что основатель города затравил тут когда-то медведя, а теперь это – далеко не «медвежий угол». А ...сей трактир почитается одним из лучших в Швейцарии и существует более двух веков. Монтань упоминает об нём, и притом с великою похвалою, в описании своего путешествия; а Монтань был в... в 1581 году [14, с. 112]. В другой раз ...пошёл я в сиротский дом, и видел там келью, в которой Мартин Лютер жил от 1505 до 1512 года. <...> На столике лежит Немецкая Библия первого издания, которую употреблял сам Лютер, и в которой все белья страницы исписаны его рукою [14, с. 81]. Кучер остановился кормить лошадей – очередная достопримечательность: городок... славен своими целебными теплицами, которые были известны Римлянам под именем Гельветских вод (*Aquae Helveticae*) [14, с. 126]. Едва переехав на новое место, можно ...видеть дом, в котором жил Парацельс. Сказывают, что в саду, принадлежащем к сему дому, и поныне находят ещё огарки из химических или алхимических печей сего чудного человека, которому, по признанию Учёных, обязана Медицина [14, с. 101]. Взгляд в упор на достопримечательность по другую сторону тесной улицы перемежается с видами далёких перспектив: великолепнейший вид представился глазам моим. С одной стороны вся Кентская провинция с городами и деревнями, рощами и полями; а с другой бесконечное море, в которое погружалось солнце, и где нестрели разноцветные флаги; где белелись парусы и миллионы пенистых валов [14, с. 328]. Карамзин был западником и неисправимым книжником. Но в его словах, непомерно чувствительных, много правдивого. Ни о чём подобном и в таком количестве иностранцы прошлых веков в своих записках о России не сказали. Россия для них terra incognita. Такой она была и для большинства россиян.

Родная природа – и та не всегда ложилась на душу русскому человеку. В мемуарах Т. П. Пасек на соседних страницах – несопоставимые впечатления об увиденном дома и вдали от него. Швейцария по её воспоминаниям – едва не райская земля: «...из окон виднелось Женевское озеро, голубое, как улыбка младенца; аллея капитанов с их бледно-розовыми пирамидальными цветами; вдали Салевские горы, а из-за них, в ясное утро и в тихий вечер, как бы начерченная на небе, белела девственным снегом вершина Монблана. Волшебная красота природы...» [29, с. 353]. А вот Россия: «Чем ближе подъезжали мы к Петербургу, тем большей тоской и как бы страхом обдавало душу. Природа что шаг, то становилась беднее и беднее; бесплодные пажити, болота, бедные деревни, болезненные, искривлённые деревья на сырой тощей почве увеличивали тяжёлое настроение духа» [29, с. 335].

Русского человека поражает многообразие европейской природы, невозможные для средней России контрасты. Англия, побережье Ла-Манша в графстве Девоншир – уравновешенный спокойный ландшафт. А наша соотечественница удивлена частым мельканием перемен и чрезмерностью штрихов природы: «Поезд шёл чрезвычайно быстро. Замелькали миловидные селения, улыбающиеся луга и рощи. <...> Едва поезд выбежит из туннеля, с левой стороны сверкнёт море, позлащённое лучами солнца, с правой – живописный ландшафт, как снова скрывается в туннель, и снова выбегает к морю, – и так туннель да море чуть не до Торквея. Внутри северного мыса небольшой, глубокой бухты Торбэ, обрамлённой горами, две глубокие долины, обнимают городок Торквей. Округлые холмы, покрытые изумрудной муравою, богатые поля и пажити, по которым пасётся скот по колено в траве, отвесно спускаются к морю. В нескольких шагах от утёсистой набережной зеленеют парки и фруктовые сады...» [29, с. 441].

Если поезд у неё идёт – то чрезвычайно быстро. Селения мелькают. Дорога то скроется в туннеле, то выбежит из него. В окне вагона – то море, то холмы. Округлые холмы спускаются к морю отвесно (переизбыток впечатлений!?). Набережная – не

иначе, как утёсисто. В Швейцарии контрасты безмерней: «...спускались мы с Сен-Готарда. Ночь была ясная. Альпы, покрытые снегами, под лучами полного месяца сияли алмазами, отбрасывая резкие тени. Кругом скалы, пропасти, лес, водопады, река рвётся через громады камней. С каждым шагом вниз виды меняются, то едешь краем пропасти, то под арками скал, там под ногами тихая долина и та же река мирно журчит по камушкам, и новая цепь гор открывается, на высоте алеет альпийская роза; ещё шаг ниже – и перед нами Лаго Маджиоре – неподвижное, как зеркало, обрамленное восхитительными виллами, потонувшими в группах азалий, в розах, миртах...» [29, с. 432].

В среднерусскую природу приходится долго – не что бы всматриваться – вслушиваться: «Лето стояло... тихое, временами перепадали крупные дожди, ни ветра, ни движения – набежит тучка, сверкнёт молния, прогремит гром, раскинет в небе радугу, и опять солнце, тишина, и всё цветёт, зеленеет, осыпанное дождём точно перлами. Выйдешь из гостиной на террасу после такого дождя, дохнёшь влажным воздухом полей и леса, и на душе тише, светлей, благородней. Перед террасой луг; по лугу в проталинах сверкают неподвижно лужицы; дальше – ржаное поле; направо деревушка; налево дремучий бор; в бору кукует кукушка, иволга кричит; в кустарнике, близ террасы, шуршат и выпархивают какие-то пташки; издали доносится родная песня; прислушиваешься к тишине и ловишь... трепет звуков» [29, с. 451–452]. Российские картины расцвечены не мазками живописца, а оттенками настроения. Это не Европа. Надо настроиться на неторопливый диалог со среднерусскими полем и лесом, серыми от дождей деревнями, городами с облупившейся штукатуркой.

Восточные славяне жили на обширнейшей и, по-европейским меркам, почти безлюдной Восточно-Европейской равнине, слегка всхолмленной Среднерусской возвышенностью. Жили между лесами и степями, двумя первозданными мирами. Различий между ними куда меньше, чем сходства. Каждый – зеркальное повторение другого. Бескрайние степи с юга – преддверие Великой степи от пустыни Гоби до Карпат, обнимающей полмира. Леса с севера – начало Мирового леса, уходящего в бесконечность. Всякий след тут зарастает травой, а там – чащобой. Смывается дождями. Засыпается снегом. Выжигается солнцем. Сгорает дотла, как сгорели тысячи городищ, селищ и деревниц. Уходит в воду, как Китеж. За осевшим степным курганом – та же степь, что и до него. За деревьями тот же лес, что и прежде. Лучше художника не выразить нашу природу. Водные пространства рек и болот смыкаются, не оставляя меж собой границ – как на пастели «Разлив» у Левитана (1895 г.). Редкие деревни придавлены приземистыми крышами к плоской равнине (Куинджи, «Забывтая деревня», 1874 г., обе картины – Третьяковской галереи). Пожалуй, самый характерный пейзаж, без прикрас – другой Куинджи: размытая сероватая граница земли и неба (дар Норцовых П.М. и З.В. Третьяковской галерее в 1994 г.). Больше на полотне – ничего.

Былинный Илья Муромец три года едет в Киев через *леса тёмные и поле чистое* – одно нескончаемое поле. *Старопрежняя* дорога через леса: «Есть на ней болота дыбучие, грязи чёрныя. / Росла (*зафростала*. – Л.Ф.) дорожка та прямоезжая ровно тридцать лет, / Никто по ней не проезживал, / Ясный сокол не пролетывал» [12, с. 264]. После долгого пути попалось *высокое место*. Въехал туда Илья поглядеть «...где стольной Киев-град. Вот он тогда посмотрел под сторону под летнюю – стоят одни поля зелёные, одни луга прекрасные; поглядел под сторонушку под западную – увидел снеги глубокие, ничего не увидел, ничего не знаменуетця; поглядел он под сторону под зимнюю – увидел там большие велики льды непроходимые». Лишь с четвёртой стороны вдалеке едва виден город Киев: «в знаменах знаменуетця

(*обозначился. – Л. Ф.*), в трубочку (*подзорную. – Л. Ф.*) оказываетца» [12, с. 285]. А между Ильёй и далёким Киевом всё те же просторы необъятны и пустынные: эпический образ земли русской.

Картины степной и лесной природы монотонны, усыпляют бесконечными повторами. «Для разнообразия мелькнёт в бурьяне белый череп или булыжник; вырастет на мгновение серая каменная баба или высохшая ветла с синей ракшей на верхней ветке, перебежит дорогу суслик – и опять бегут мимо глаз бурьян, холмы, грачи...» [41, с. 17]. Перенесёмся со знойного российского юга ближе к Петербургу: «...я лечу по серому, черноватому пространству, едва различая какие-то формы, описать которые никак не возможно, потому что стираются из памяти они так же быстро, как и исчезают из глаз. Эти смутные видения, набегающие и растворяющиеся в стремительной езде, обладают своей прелестью: словно галопом мчишься по сновидению» [8, с. 338]. Пространство распадается на обрывки, его глубину не оценить, своё местоположение не понять – пишет много поездивший по России иностранец. «На равнинах не видно вдаль, потому что всегда что-нибудь мешает; куст, урочище, дворец скрывают от глаз просторы вместе с завершающей их линией горизонта. Впрочем, ни один пейзаж здесь не запечатлевается в памяти, ни один ландшафт не привлекает взора; никаких живописных очертаний, ровные участки редки, лишены разнообразия, ничем не пересекаются, поэтому они все совершенно одинаковы...» [22, с. 46]. Даль загорожена – не определиться на месте. Ничем не загорожена – от того не легче ни русскому путнику, ни заезжему иностранцу, если «...углубился в пространную степь (*заволжскую. – Л. Ф.*), где нет ни леса, ни воды, и где днём должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звёздам» [31, с. 494]. Страхнув оцепенение, пеший или конный так и не увидит перемен вокруг себя, не заметит переходов от одного места – к другому.

Без таких переходов картины окружения не связаны между собой. Точно так в средневековом «Слове о полку Игореве» последующее не связано с предыдущим. Их можно поменять местами – ничего не произойдёт, перестановок никто не заметит². Повествование, как в калейдоскопе, распадается на отдельные картины, не ряд последовательных кинокадров. Словно карты перетасовывают, какая на этот раз ляжет сверху – неизвестно. Каждый раз верхняя навсегда заслонит другие: солнце тьмою путь *заступало*. Охота Дон отведать *заслонила* Игорю мрачное предзнаменование. Свист звериный *встал* стеной. Заря свет *уронила* на землю. Мгла поля *покрыла*. Тучи хотят *прикрыть* четыре солнца. Дети бесовы кликом поля *перегородили*. Олег и Святослав тьмою *заволоклись*. Пал позор на славу. И за тьмой, за светом, за мглой, за свистом – ни зги не видно, голоса не слышно, весь мир за ними – как отрезало. Есть лишь то, что перед глазами, по эту сторону света, звука, мглы. От картины к картине проходим, как сквозь стену: пропало только что виденное, и не видно скрытое за следующей стеной.

В «Слове» не ощутимо пространство. Едва князь Игорь вступил в стремя, как Русская земля заслонила степью. Сколько бы ни проехал Игорь, а всё не сдвинется от застывшего в воздухе эха: «... Русская земля! Уже ты за холмом!» За холмом!.. За

² Возможно, несвязность, чересполосицу событий в «Слове» увеличили случайные перестановки кусков текста при частых переписываниях. О позднейших перестановках в тексте см. [32, с. 6–10]. А если несвязность событий в «Слове» была уже при его создании? В Средние века отношение к истории было таково, что на ход событий смотрели как на происходящее по воле Бога независимо от стремлений человека. Всё, что требовалось от людей – угадать план Всевышнего и стать добровольным исполнителем Его воли. Зависимость текущего времени от прошлого не имела значения. Об этом см. [18]. Нынешняя российская действительность особенна тем, что средневековые представления о причине и следствии, времени и пространстве до конца не изжиты народной массой.

холмом!.. Уже за холмом!... уже... уже... – Кружит по степи эхо, как птица. Отлетит от холма и вновь к вершине возвратится. Сколько ни обернуться – столько раз всё повторится: и то же эхо, и та же степь, и холм позади – всё тот же холм. Нет глубины у пространства. Оно плоско, как приставленная к лицу доска иконы.

Д.С. Лихачёв заметил, что в картине древнерусского повествования нет отдельных описаний ландшафта, природы. Они – только фон событий. Природа в «Слове» появится, если она будет переплетена с судьбой действующих лиц повествования, если играет прямую роль в их судьбе [24, с. 95]. В «Слове» человек слился с окружением. Не видит со стороны ни себя, ни то, что вокруг. Тайные мысли и внешние события тоже неразделимы и беспорядочно смешались друг с другом. «Солнце тьмою путь заступает», предрешая дальнейшую судьбу Игоря? Или будущая перемена в судьбе послала предвестие о себе? Что чему было началом? Где причина и где последствия? Поневоле начнёшь разгадывать настоящее по следам не случившихся событий. Действительность теряет цену. Реально то, чего ещё нет.

Глаз русского человека долго не различал границ между собой и окружением, не всматривался в глубину мира. К этому привыкли, с этим живём и неудобств не замечаем. В ориентирах нет нужды. Сегодня названия немногих больших городов – особенно в Сибири – как одинокие вершины. Между ними на едва заселённой местности малозаметные, негромкие и редко произносимые имена небольших поселений. Если пространство не наполнено символами и знаками, если в нём нет направлений, нет уклонов и поворотов – оно не осязается. Мы и время плохо воспринимаем. Чувство времени возникает при движении между ориентирами, когда спереди видно цель, а сзади – пройденный путь. Потому мы не восприимчивы к истории, не видим связи между событиями, не думаем о последствиях. История в нашем сознании – не связанные друг с другом куски: до и после крещения Руси, до и после Петра Великого, до и после 1917 г., до нас и теперь. То же в литературе (до и после Пушкина) в музыке (до и после Глинки), в живописи, технике, науке... В нашем представлении события позднего времени случились сами по себе. Мы не задумываемся, что прошлое всегда было беременно будущим. Что оно подолгу вызревает, прежде чем явиться на свет и ослепить новизной. Неумение видеть связи явлений имело в России тяжёлые последствия: таким народом легко манипулировать. Европе больше повезло: та восприняла чувство времени от античности. У древних греков слово *χρονος* (*chronos*) – время – стало именем бога, титана Кроноса. Русь так высоко не ценила время и своё отношение к нему передала России по наследству.

Через привычное нам восприятие пространства и времени складывается искажённое представление о себе и месте, в котором находимся, о Сибири, России. У нас деформировано представление о пространстве мира. Спросите: что по другую сторону Земли от Омска или Новосибирска и девять из десяти ответят – Америка (имея в виду тёплые ухоженные Соединённые Штаты). А «на другом конце» мира, в действительности – ледяные антарктические просторы Тихого океана к западу от суровой, безлюдной оконечности Огненной Земли. Безжизненные тихоокеанские воды южного полушария в северном уравновешены океаном стылых болот Западной Сибири и едва обжитыми степями под холодными ветрами. Мы этого не видим. Не замечаем, как ничтожно мало заселена Сибирь даже на её юге, лишь местами вспаханная и слегка оснащённая негустой сетью дорог. Не о том речь, где жить хорошо и где плохо. Важно другое: мы не отдаём себе отчёта – насколько велик и разнообразен мир, какое место мы занимаем на его пространстве, в его культуре, в его прошлом и будущем.

У каждого из нас есть своё видение Сибири. Но мало чем оно отличается от неприветливого образа Сибири в сознании всего народа. Чаще всего этот образ существует вне пространства, вне времени и выглядит так:

Сибирь – это часть России. А не больше, чем часть? Без неё Россия – уже не Россия, а Московская Русь. Она стала Россией после присоединения Сибири. Как прочно это слияние в наши дни? Граница Сибири с остальной *частью* страны объединяет или разъединяет их? Кто кому больше нужен: России Сибирь или Сибири Россия? Возможно ли, что Сибирь не будет частью России? Подобное из разряда невероятного уже было: распались Российская империя и СССР. Что станет с Россией, если будет дробиться дальше? Обратится ли Сибирь в непрочное содружество независимых городов-государств, разделённых необжитыми пространствами, несовместимыми интересами? Сейчас города Сибири отгораживаются один от другого, спорят, не могут поделить привилегии, льготы, ресурсы, доходы. В какую сторону чаще глядит Владивосток: на далёкий сибирский запад, на совсем уж далёкий российский запад или на близких восточных соседей – Японию, Южную Корею? Хотелось бы верить, что Сибирь не только *часть* России, что она ещё и *одно целое*. Увы, это не вполне так. Нет даже формальных признаков её единства: ни общего ядра, ни абсолютных рубежей всей Сибири, ни границ районных интересов внутри неё. Стыки между Новосибирской, Омской и Тюменской областями можно двигать по едва заселённой степи и болотам в любом направлении на сто, двести и больше километров без последствий. Тюменскую область то включают в состав Сибири, то причислят к Уральским землям.

Сибирь – то, что за Уралом. За Уралом не только Сибирь. А сама Сибирь – не только продолжение российского пространства, у неё есть собственные контуры. Долго не могли решить: где Сибирь кончается – на Оби, Енисее, на Амуре, ещё дальше? Забайкалье с Бурятией, и Якутия – и это Сибирь. Южные границы Сибири терялись где-то в Туркестане, между Средней Азией и Казахстаном. На рубеже XIX–XX вв. северные районы Казахстана безоговорочно входили в Сибирь. Сто лет назад можно было услышать: восточная граница Сибири – дальневосточные моря, «...где конец Российскому государству» [42, с. 6]. Прежде причисляли к ней и Пермскую губернию; «да и в самом деле Пермская губерния сходствует более с Сибирью, нежели с Россиею...» [11, с. 7–8]. Не все знают, что Алтай – тоже Сибирь, хотя никто не скажет: навсегда Алтай наш или на время, как Казахстан?

Сибирь – окраина России. Окраина больше остального в стране? Где начало и конец окраины? В герб Свердловской области, утверждённый Геральдическим советом при президенте России, вписан её титул: опорный край державы [1]. Область перехватила звание, принадлежавшее всему Уралу. Что, Сибирь не на краю державы, а ещё дальше? Похоже, сибирская *окраина* России многослойна: тут и Приморский *край*, Хабаровский *край*, Красноярский *край*. Войдёт в Иркутскую область Усть-Ордынский округ – будет ещё один *край*, Иркутский. Краёв без счёта. Есть краеугольный край. Потом ещё, и ещё, и ещё... Это и есть *бескрайняя* Сибирь? – *без краёв*? Какая-то бессмыслица.

Сибирь – мост между Востоком и Западом. Странно: в этом определении Восток чаще ставят впереди Запада. Наш ли восток имеется в виду: Алтай, Камчатка, или не наш – Китай, Япония? Что тут Запад: Урал, Москва или Атлантика? Западу или Востоку нужней этот мост? Мост с односторонним движением или двусторонним? Куда и как, кто и что двигалось? Сибирские дивизии в 1941 г. в помощь стране – на Запад. Покалеченные – на Восток. Нефть, газ, уголь, алмазы, сталь, золото, деньги – на Запад. Приказы из центра и рабочая сила – на Восток. Если Сибирь это мост между разными берегами, то жить здесь – всё равно как сидеть между стульями. А надо бы или туда, или сюда.

Сибирь – это российское окно в Азию. Скорей, это ворота настезь, без присмотра. Если центр России – фасад, обращённый к миру, то Сибирь – задний двор. Не ухоженный, без ворот. Забор по границе двора прохудился. Азиатские соседи безнаказанно заходят вглубь не охраняемого двора, как в свой.

Сибирь – это непроходимые леса. Не леса со своим именем и местом, как Муромские леса, Оковский лес, Беловежская пуца, Булонский лес, Шервудский лес, а «просто леса»? Уходящие в неизвестность? Обычно леса не проходимы не из-за лесной чащобы, а от бескрайних болот, на которых и леса-то нет: кто летал над Западной Сибирью, тот знает. Зелёный цвет леса окрасил сибирские гербы, флаги и новосибирское знамя тоже. Но лесов в Новосибирской области несравненно меньше, чем степей и болот.

Сибирь – место ссылки. Для кого? Вся целиком?

Сибирь – проклятое место. И такое слышишь. То же самое, мягче сказанное:

Сибирь – забытое богом место.

Сибирь – это там, где по улицам заснеженных городов бродят медведи. Есть и такой фантастический образ. Впрочем, едва ли не все известные образы фантастичны, с безмерными преувеличениями. В этом они схожи. Разве не фантастичен следующий:

Сибирь – это могучая нетронутая природа. Природа «вообще», образ оцепеневшей необъятности и вечности, вне времени и места? А между тем, сибирская природа оказалась не могучей, не оправится от напастей. Не здоров Байкал. В Телецкое озеро стекают нечистоты из домов, бань и отхожих мест, прижавшихся к берегам. Редуют леса. Мелеют реки. Истощается земля. Не зарастают гусеничные следы в тундре. Уходят звери и птицы – куда? Оказалось, Сибирь велика, а уйти некуда. Фантастическое зверьё на давних сибирских гербах уступает место иным символам. На обложках путеводителей поверх названий края, области Сибири стоят символы компании ЮКОС, а под обложками – натуралистичный знак: портрет хозяина компании [20].

Сибирь – кладовая России. Кладовая не самое почётное место в доме. Бывает не в доме, а за его стенами, на дворе. Туда заходят, но кладовая – не место для житья.

Богатство России прирастает будет Сибирью. Оправдана ли цена приобретённого Россией? Бывает, найденный клад не приносит счастья, если им плохо распорядиться или когда он слишком дорого обходится. До сих пор неясны размеры сибирского богатства. Будет ли богата сама Сибирь, или её богатства прирастут к другому месту? Своей очереди при дележе богатства после Запада ждут на Востоке.

Сибирь – это люди особого склада. Каких больше нет нигде? – а новгородцы или кубанские казаки есть везде?

Сибирь сопоставляют с безграничностью, в которой многое исчезает бесследно, как в космической «чёрной дыре»: сколько денег и сил в неё ни вкладывай – всё мало, сколько начинаний ни делай – их следы едва заметны. Здесь нет времени, а есть вечность. Чаще всего здесь, на этих громадных немереных просторах человеческая жизнь стоила безмерно мало. В прежние времена, едва первопроходец, переселенец из России или осуждённый на каторгу переходил Урал – он растворялся в пространстве, как если бы человек уходил в небытие. Этими ощущениями наполнены слова Крашенинникова о судьбе одного из первооткрывателей Камчатки некоем торговом человеке Федоте Алексееве. Не имея хотя бы сколько-нибудь достоверных сведений, Крашенинников высказывает разные версии о пути Алексеева и его сподвижников, обстоятельствах и месте, в котором оборвались их жизни и тут же отвергает свои версии одну за другой. По одному из предположений, из отряда Алексеева остались «...невеликие люди (*малая часть отряда.* – Л.Ф.), и побежали в лодках одною душью, а куды неведомо». Люди бесследно исчезли. И усилия их пропали

впустую: «однако сей поход и невеликой был и невеликой важности; для того что не последовало от него никакой пользы, не токмо в разсуждении государственного интереса, но ниже в разсуждении надежнейшаго известия о земле Камчатке: ибо, как выше показано, никого из объявленнаго походу не явилось выходцов (*а если так, то и Федота Алексеева, и его похода как будто и не было.* – Л.Ф.); чего ради перьвым походом на Камчатку можно почестъ поход казачья пятидесятника Володимера Атласова» [21, с. 190–192].

Сибирь можно сравнить с морем, даже океаном: рыбак уходит на промысел и рискует не вернуться, охотник или пастух с оленьим стадом погружаются в тайгу на полгода, а бывает – навсегда. В Сибири затерялись следы тысяч староверов, сотни их поселений. Где-то здесь лежит «заговорённая» обетованная земля Беловодье – её веками искали русские люди, но «открывалась» она только избранным, кому – неизвестно. Здесь множество других мифических мест: «Есть на свете Каликарская земля; в ней живут каликары. На «плантах» (*на планах, картах.* – Л.Ф.) ея нет: учёные об ней ничего не знают» [13, с. 507].

И сегодня в восприятии многих из нас Сибирь – символ непознанного. Нет единства мнений о происхождении слова *Сибирь*. У историков разные объяснения, а ни одно из них не считается единственно верным. Скорее всего, происхождение названия *Сибирь* навсегда останется неразгаданным. Неопределённость границ Сибири, недавность её присоединения к России и случайность и неоднородность сплавов переселенцев из разных мест европейской части страны с аборигенами, даже и небесспорность мнений о значимости Сибири для России с неясностью происхождения её названия сказались расплывчатостью представлений о сибиряке.

Почти все образы Сибири невзрачны. Если они верны, тогда зачем, как живут здесь люди? Образы неверны, придуманы на стороне? – Кем? Где? За рубежом, в России? В узких кругах или народом? Для кого придуманы расхожие непривлекательные образы, для местных? С какой целью? Если Сибирь – это большая часть российской земли, то и на всей стране лежит печать неказистости. Эти образы сложились давно и, похоже, надолго.

Есть определения, относительно точно отражающие суть и место Сибири, но уступающие другим в образности: *Сибирь, это часть территории Российской Федерации, расположенная между Уралом на западе и ...* (далее идёт перечисление горных хребтов-водоразделов на востоке, морей на севере и пустынь на юге). Любое определение, как бы ни было полным – не полно. Это определение – тоже. Не потому ли, что мы не до конца знаем, что такое Сибирь, что такое Россия? Иногда проще сказать, чем Сибирь не является, как это сделано в расхожей фразе, попавшей в название книги «Почему Россия не Америка». Или в названии книги украинского президента «Украина – не Россия». Проще – не значит точнее. Если Сибири давать определения от противного, то вариантов будут тысячи: Сибирь – это не Америка, Сибирь – это не Украина, Сибирь – это не Россия, Сибирь – это не ...

Даже обстоятельное определение спорно. В обиходе мы довольствуемся не академически точными определениями. Удобней устоявшиеся образы и символы. Они ярче. Лаконичные символы и образы рождают ассоциации. Ассоциации восполняют экономию слов. Образы, укоренившись в памяти, скажут об обстоятельствах покорения земель, о слабой наполненности пространства людскими трудами и заботами, о редких следах человека в виде названий сёл, городов и приметных мест. Известно: символы оживляют, окрашивают в тёплые тона и очеловечивают даже нелюдимую природу. Почему, не умея точно передать что такое есть Сибирь, мы не употребим символы? Вот североамериканцы не представляют любой из своих штатов

без их символов. Для Вермонта символом-цветком считается красный клевер, символом-деревом – клён сахарный. Птицей штата признан пёстрый американский дрозд, насекомым – пчела. Казалось бы, причём это, если там заняты машиностроением, торговлей, операциями с недвижимостью и страховым бизнесом? А всё же без символов не обходятся. У Аризоны символами стали цветок кактуса, акация и птица кактусовый крапивник. Малиновка, American robin – птица-символ штата Коннектикут. American pasqueflower, прострел или сон трава – символ Южной Дакоты. У них так повсюду и не только для штатов. Например, давний символ Нью Йорка – Big Apple, Большое Яблоко.

К слову, американцы выбирают для символов местных птиц, насекомых и растения. Яблоки, дрозды и пчелы принимаются всеми и объединяют людей. Российские символы вносят раздор меж нами. Герб и флаг должны бы сплотить людей. У нас так не выходит. Поочерёдно заменяем их, топчем старые, вешаем новые, сталкивая людей в бесконечном противостоянии. А в Сибири – есть ли тут общепризнанные символы для неё? – Не гербы нынешних городов и областей (их сочинение теперь поставлено «на конвейер»), не символы нефтяных компаний – а образы, взятые из вечного: из под ног в траве, с ветки сосны, из горной реки? Символические образы рождаются под пером писателя, художника и даже в речи политика. Один из таких ярких образов был у мансийского поэта Ювана Шесталова (не ручаюсь за дословную его передачу, читал давно): «О, Сибирь, ты могучая рыба, идущая на нерест». Он взял этот образ в мифах своих предков, коренного народа Сибири, малочисленного и спянного отголосками тесной племенной связи. У нас, потомков переселенцев, нет тесноты отношений. Плохо знаем Сибирь, не вполне считаем её родиной, а себя коренными сибиряками – не потому ли нет устоявшегося образа Сибири? И к России-то у нас отстранённое отношение. Только половина опрошенных считает себя «россиянами». Каждый второй опускает себя жителем своего села, города, района, области, ещё кем угодно – только не гражданином своей страны. Или не знал что сказать [16]. Американцы колонизовали свою новую родину одновременно с русским завоеванием Сибири. У американцев много проблем и миллионы иммигрантов, но их сплачивает появившийся в XVIII в. в государственном гербе США девиз на латыни: «E pluribus unum» – «из многих единое», то есть единый союз множества разнообразных штатов, людей, идей. У наших соотечественников больше того, что разобщает нежели объединяет. Нет среди людей общности, общества – разве будет согласие в выборе образа, символа Сибири? Всей России? Нужен ли он им?

Художественные образы и символы вообще редко заденут сибиряка за живое. Они здесь не в ходу. Потому названиям сибирских мест, именам поселений часто не хватает образности. Исключения из правила есть. Но в образах-именах поселений Сибири много общих мест. Заметна скупость чувств сибиряка и в восприятии звуковых образов. Видна скованность в ощущении цвета и формы, нежелание или неумение мыслить яркими историческими, художественно-пространственными образами.

Этим болеет не только сибиряк, а едва ли не вся Россия. Быть может, оттого мы долго держались за плоское иконописное видение мира. У нас не было европейского Ренессанса, научившего по-новому видеть мир: объёмным, в перспективе времени. Мы преуспевали в живописи только тогда, когда возрождали старое плоскостное византийское восприятие. Перед Европой мы всегда были староверами. Европейская живопись, начиная с позднего средневековья – это живость чувств, произвольность творчества и эксперимента, смена увлечений. Наша живопись чаще бывала ученической и оттого – слишком рассудочной. Переняв у Запада веру в какие-то приёмы

письма, российская живопись становилась ревностным хранителем этих приёмов, осуждая ветренную Европу за предательство ценностей, ею открытых и нам подаренных. Оттого в российском изобразительном искусстве было много схематизма и морализаторства. Так, в И.Н. Крамском, вдохновителе и организаторе передвижников, больше от протопопа Аввакума, чем от художника. Его письма – это анафема западному искусству, новизне. Он бывал за границей, видел там многое и не одобрял современное европейское *вымирающее* искусство. На всемирной выставке в Париже в 1884 г. Крамской из всей живописи предпочитал *смотреть своё, родное* в русском отделе [19, с. 131]. Его собственные картины – пересказ красками сочинённых им проповедей, демонстрация стерильных, отвлечённых философских и религиозных идей. В его картинах нет случайного и неожиданного. В них мало такого, из чего соткана полнокровная жизнь, что в ней встречается на каждом шагу – а ведь европейская жизнь той поры была бурной, насыщенной, невероятно противоречивой. И в России темп жизни ускорился, верно, не везде и не для всех. Потому картины Крамского так схематичны, хотя для большей ясности смысла проповеди художник давал своё лицо персонажам своих картин, например, сидящему в пустыне Христу.

Сошли со сцены передвижники. Крамской уступил место другим вдохновителям и организаторам искусства. А схематизм и застылость живописи ещё оставались, хотя внешне всё выглядело революционно. И на этот раз русскому художнику лучше давались манифесты о живописи, чем сама живопись. Европа испытала шок, увидев в Ларионове, Кандинском и Малевиче восточный примитивизм и геометрическую рассудочность: где-то на заснеженных русских равнинах ископаемое средневековье, немного стилизованное, оказалось ещё живым! Говорят, потрясённый Матисс принялся сравнивать увиденное с иконами, начал изучать их. Но одно дело – удивлять мир, другое – быть его выразителем, идти в ногу со временем, опережать его.

Нам неуютен обновляющийся мир. Не умеем выхватить из мелькающих картин современности характерное и обратить его в символ, образ места и времени. Нам удобней жить среди незыблемых вечных истин, видеть мир с одной и той же стороны – плоским, как тень, и застывшим, как на иконе. Изображения предметов и явлений в картине плоского мира наслаиваются друг на друга, не погружаясь в пространство и в глубину времени. Всё недвижимо, неизменно и вечно.

Из-за неумения ощущать пространство мы не преуспели в самом пространственном, в самом «не нашем» искусстве – архитектуре. Строительство озабочено сооружением крова, укрытия. Назначение архитектуры – создание образа мира. Средства создания её художественных образов – движение, ритм и метр. Глубинный смысл архитектуры – движение от беспорядка к гармонии, преобразование хаоса в космос. Её материал не камень или дерево, как думают самодеятельные строители-дачники, а более вечные «материалы»: пространство и время. Учась у Европы, наша архитектура заимствовала внешние приёмы обработки деталей, а не европейскую философию, не её понимание мира. Знаменитый стиль конструктивизма выродился в нашей стране в конструирование бытового устройства, в мелочное расписание распорядка дня в домах-коммунах. Не функционеры-большевики, а архитекторы мечтали жёстко регламентировать жизнь обитателей коммун, мечтали приспособить человеческую жизнь к придуманной схеме. Так было. Многие архитекторы и сейчас подменяют строителей, озабочены прочностью зданий, тяготеют к обустройству быта, расстановке мебели и *оформлению* зданий (зачем тогда инженеры и дизайнеры?) и равнодушны к созданию образа стремительно меняющегося мира. Потому не будем удивляться равнодушию нашего соотечественника к образному восприятию окружения.

Как бы то ни было, в сибирских городах нет скульптурных (или пространственных – это одно и то же) образов Оби, Енисея, Алтая, Тайги, Байкала и просто Сибири. Нет скульптурных воплощений Тихого Океана, Севера, Ледяной Стужи, Безлюдья, Безбрежного Пространства, Времени, Вечности. Во всей Сибири нет ни одного пейзажного или регулярного сада из тех, что создаются как художественные образы Мира³. Говорим не о парках, созданных с утилитарной целью, как сквер (от английского *square*, *четырёхугольник*, *площадь*) или бульвар (простонародное *гульвар* – от *гулять* и от французского *boulevard*, нидерландского *bolwerk*, *крепостной вал*; его обычно сносили в XVII–XVIII вв. и на этом месте возникало место для *городского гульбища*, см. Словари В. Даля и М. Фасмера). На восток от Урала нет ничего, напоминающего о европейских традициях пространственного творчества: античных, средневековых или ренессансных садах Италии, Англии, Голландии, хотя бы о русских монастырских и царских московских садах, парках Петербурга. Попадая в такой сад, переживаешь череду ассоциаций, будто попал в идеальный мир. Проходишь по нему и, кажется, проходишь по жизни – своей или общечеловеческой, очищенной от повседневной рутины. Д.С. Лихачёв говорил, что для Петра I, повывавшего мир, сад был одним из средств европеизации русского отечества: «Пётр в своей попытке перевести мышление русских людей в европейскую мифологическую и эмблематическую систему, что было крайне необходимо для установления более тесных культурных контактов с Европой, совершенно правильно для своего времени стремился сделать привычной для русских образованных людей античную мифологию и воспользовался для этого наиболее сильным воздействующим искусством – садово-парковым. Его Летний сад был своего рода “академией”, в которой русские люди проходили начатки европейского образования» [23, с. 122–123]. А лицеист Пушкин – в духе европейских традиций – в «Воспоминаниях в Царском Селе» сравнивает его сады то с неземным раем и вечностью Элизиума, то с храмом. Под нависшим покровом его сводов тянутся коридоры аллея. Распахиваются и смыкаются вновь завесы ночи, открывая в глубине пространства сменяющие друг друга картины. Зеркала вод отражают ускользящее время, минувшие события.

Города Европейской России тоже не богаты памятниками искусств. Но здесь что-то попадает на глаза. А в Петербурге это на каждом шагу. Город и пространство вокруг него густо заселены каменными и медными образами: Навигация и Нептун, Нева и Волхов, Аврора и Лето, Изобилие, Красота, Архитектура. Незрячие Сфинксы глядят в холодное пространство. Крепкотельные нимфы держат земную сферу с её морями. Атланты подпирают камни городских стен. Покорённая природа – или Россия? – согнулась постаментом под тяжестью власти, под Медным Всадником. Каменный город дышит, глядит, живёт. Тут ничто не кажется чужим, хотя всё это следы прививок европейской культуры на теле России. Это следы мировой культуры, которая почти все художественные образы (даже христианские) вынесла из язычества, пережитого с размахом и со вкусом. У нас было не так. Уже в давние времена, когда мы ещё толком не вкусили сочных плодов от языческого древа, нас заставили начать с чёрствого. На Руси и в России всегда кто-то решал за остальных:

³ У А.Н. Бенуа художественная сторона садов замечательно выражена в различиях садов Версаля и Петергофа. «Версаль царит над землёй. С высоты тройной террасы, на которой лежит дворец, всюду, куда ни взглянешь, видишь идеализированные земли, реки, поляны, пруды и леса, – словом материк. О море нет и помина. В Версале жил король французской земли. <...> Петергоф – резиденция царя морей. Фонтаны в Петергофе – не придаток, а главное. Они являются символическим выражением водяного царства, тучей брызг того моря, которое шещется у берегов Петергофа. Самые дворцы в Петергофе имеют особую физиономию. Они приземистые, точно сжались от морского ветра» [3, с. 139–141].

какой плод запретный, какую веру исповедывать, что нам надо и чего не положено. Но если всему русскому народу когда-нибудь придётся широко, по-настоящему отведать европейской культуры и её художественной кухни – и мы научимся, оценим, привыкнем и полюбим, как в Петербурге.

А пока что мало обставленный образами-названиями культурный ландшафт Сибири дичает. Редуют поселения, выходят из оборота названия исчезнувших сёл. Пространство звучания имён оставшихся деревень, посёлков и даже небольших городов всё теснее сужается вокруг них самих. Уже за ближней чертой возле околицы их названий почти не слышно. В центральных российских телевизионных программах редко мелькнут имена даже крупных сибирских городов и районов. О посёлках, о знаменитых деревнях и говорить нечего. С экранов не сходят другие названия, но их мало. Москва – несравненно чаще других, это же центр. Часто, хотя и реже, слышно: Петербург, Кавказ, Мурманск, Владивосток, Якутск – это об окраинах (даже Петербург в сравнении с Москвой – теперь окраина). Редко назовут то, что между окраинами и центром: Екатеринбург, Барнаул, Омск. Никогда – Ишим, Тогучин, Славгород.

У нас всё доведено до крайностей, середины в России никогда не было: тут только центр и окраины. Раньше они назывались укрáинами: южная укрáина (сейчас это Украина), восточная укрáина Московской Руси (Заволжье, Предуралье, сибирская укрáина) и тому подобное⁴. Как только ослабло внешнее давление соседей на Русь – её ущемлённое национальное сознание начало расправляться. С того времени страна веками раздвигала границы, прирастала землями. Москва начала называть себя *Третьим Римом* – мировой столицей. На виду у зарубежья Московия, Московская Русь превращалась в Россию⁵. Расширение границ было едва ли не главным в создании государства. Окраины-укрáины дальше и дальше сдвигались от *Третьего Рима*. Недавнее пограничье оказывалось в глубине страны. Слабел интерес власти к этим – теперь уже глубинным землям. Всё внимание Москвы приковывали к себе новые укрáины. Это давнее правило действует и сейчас, когда энергия роста страны иссякала. И теперь главная забота власти – центр и укрáины. Сейчас из всех укрáин властям по инерции часто важнее те, что недавно были своими, а сейчас отпали от России. Можно со временем привыкнуть к своей изменившейся стране. Труднее научиться видеть то, что лежит между центром и окраинами – глубинку, провал. Сейчас глубинка из центра не видна и ему кажется, что там *ничего нет*. Что там и *время не течёт*, и *ничего не происходит*, и об этих местах сказать нечего. Молчанию центрального телевидения о глубинке вторит областное. В поле его зрения редко попадают названия городов соседних областей. Пространство за областными границами будто бы обрывается. А каково жителю Купинского района: о соседнем Здвинском слышно реже, чем о столице? Оттого мы не чувствуем общности страны. Она в сознании людей составлена разрозненными лоскутами и где какой из них – многим из нас трудно сказать.

Нет общего пространства культуры – не будет единого жизненного пространства и экономики. Экономика начала жить сама по себе, вне всяких обстоятельств. Сложившиеся у других правила хозяйствования заимствуем готовыми. Пересаживаем на нашу почву. Выбирать есть из чего, образцов много. Повсюду экономика рыночная, но везде – своя. Выбор велик, а нет в готовом виде того, что было бы России в самый

⁴ В русских народных песнях и преданиях сибирской укрáиной называлось и всё Зауралье, и его отдельные места: «Во сибирской во уkraine, во Даурской стороне...» См. [10, с. 168].

⁵ Англичанин Джером Горсей, побывавший в конце XVI в. в России, в своих записках говорит о Московии, с того времени «...обычно называемой Россией» [7, с. 49–50].

раз. И начинаем комбинировать – всего понемногу из разных мест, как Агафья Тихоновна в гоголевской «Женитьбе»: если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да прибавить к этому ещё дородности Ивана Павловича... Проблем убавилось бы, если б управление страной стояло на трёх китах: истории, географии и философии. Наша история держит нас «на привязи». Из пережитого страной в прошлом родилось нынешнее. В настоящем зреет будущее. География, особенности пространственного устройства страны диктуют, как жить, что страна может и чего не должна себе позволить. Философия учит сопоставлять пространственно-временные особенности России с остальным миром, рано или поздно заставит извлекать уроки из сопоставления. Всё срослось между собой: нравы, обычаи, культура, экономика, способность образно мыслить и чувствовать окружение. Будем вживаться в ландшафт и одухотворять его – он преобразится. Станут ярче потускневшие ориентиры в пространстве страны, Сибири. Увидим, как приблизить к реальной почве экономику, жизнь, быт. Тогда не сказать: «*Все те же мы, нам целый мир чужбила...*». В нашем сознании сойдутся образы ближнего окружения и всей России. По-новому воспримем образ внешнего мира. Может быть, и в глазах соседей потеплеет имидж Сибири.

Литература

1. Авдеев С. Свердловскому соболю подняли хвост // Известия. – 2005. – 1 апреля.
2. Аристотель. Политика. Кн. VII, 5, 1327 а 1 / Пер. С.А. Жебелева // Соч.: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984.
3. Бенуа А.Н. Петергоф в XVIII веке // Художественные сокровища России / Под ред. А.Н. Бенуа. – СПб., 1902. – Т. 2. – № 7–8.
4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь (репринт V издания. – СПб., 1899 г.). – М., 1991.
5. География России: Энциклопедический словарь / Гл. ред. А.П. Горкин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
6. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. – М.: МГУ, 1988.
7. Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Пер. А.А. Севастьяновой. – М.: МГУ, 1990.
8. Готье Теофиль. Путешествие в Россию / Пер. с фр. Н.В. Шапошниковой. – М.: Мысль, 1988.
9. Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. – М.: Сварог и К, 2001.
10. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М.: Наука, 1977.
11. Записки и замечания о Сибири. Сочинение ...ы ...ой (Авдеева-Полевая Е.К.). С приложением старинных русских песен. – М.: В типографии Ник. Степанова, 1837.
12. Исцеление Ильи Муромца. № 40, 43 // Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 1. Былины Печёры. – СПб.: Наука; М.: Классика, 2001.
13. Каликарская земля // Русские сказки и песни в Сибири (Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по этнографии 1902 и 1906 гг.). – СПб.: Тропа Троянова, 2000. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т. 3). Записи сказок сделаны в деревнях Енисейской, Томской и Тобольской губерний.
14. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984.
15. Карта мира. Памятники истории, культуры и архитектуры (всего 73 памятника). – М.: Картография; Кызыл: АСТ, 2003.
16. Кем вы себя ощущаете в первую очередь? – результаты опроса жителей России по данным ВЦИОМ // Известия. – 2005. – 22 апреля.
17. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в 3 кн. – М.: Мысль, 1993. – Кн. I.
18. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории / Пер. с англ. Ю.А. Асеева // Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980.

19. Крамской об искусстве / Сост. Т.М. Коваленская. – М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1960.
20. Красноярский край: Путеводитель. (Путеводители от Ле Пти Фюте). Paris–Luxembourg–Москва: Авангард, 2001. См. также: Томская область: Путеводитель. (Путеводители от Ле Пти Фюте). Paris–Luxembourg–Москва: Авангард, 2001.
21. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: В 2 т. – СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. (Репринтное воспроизведение издания Императорской Академии наук, Санкт-Петербург, 1775 г.). – Т. 2.
22. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. В. Мильчиной, И. Стаф. – М.: Терра, 2000. – Т. 2.
23. Лихачёв Д.С. Поэзия садов. – Л.: Наука, 1982.
24. Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. – М.: Просвещение, 1976.
25. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. – СПб.: Лань, 2000.
26. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. – М.: Наука, 1996.
27. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX века): В 2 т. – СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – Т. 1.
28. Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: КДУ, 2004.
29. Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания: В 3 т., 2 кн. – М.: Художественная литература, 1963. – Кн. 2. – Т. 2.
30. Путешествие в Россию датского посланника Иакова Ульфельда в 1575 г. В пер. XVIII в. / С предисл. Е.В. Барсова // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание под заведыванием Е.В. Барсова. 1883. Кн. 2. – М., 1883.
31. Пушкин А.С. История Пугачёва // Полн. собр. соч.: В 6 т. – М.; Л.: Academia, 1936–1938. – Т. 4.
32. Рыбаков Б.А. Пётр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». – М.: Молодая гвардия, 1991.
33. Софокл. Антигона / Пер. Ф.Ф. Зелинского; под ред. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо // Софокл. Драмы. – М.: Наука, 1990.
34. Страбон. География / Пер. с греч. Г.А. Стратановского. – М.: ОЛМА-пресс Инвест, 2004.
35. Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999.
36. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Там же.
37. Флетчер Дж. О государстве Русском / Пер. кн. М.А. Оболенского. – М.: Захаров, 2002.
38. Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны / Пер. М.В. Мальковой. – М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2004. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
39. Фукс Л.П. Расселение в Западной Сибири: Самоорганизация и управление. Итоги и проблемы. – Новосибирск: Изд-во ПРО; Агентство «Сибпринт», 2003.
40. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Статьи и письма. – М.: Современник, 1989.
41. Чехов А.П. Степь // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. – М.: Наука, 1985. – Т. 7.
42. Швецов С.П. Сибирь: Кто в ней живёт и как живёт. Беседы о сибирских «вольных землях» и переселении на них. – СПб., 1909.
43. Штаден Генрих. Записки немца-опричника / Пер. И.И. Полосина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.